
18+
МИХАИЛ АМБРАЖЕВИЧ
ПРОХЛАДА ГУБ
РОМАН

Михаил Амбражевич

Прохлада губ. Роман

«Издательские решения»

Амбражевич М.

Прохлада губ. Роман / М. Амбражевич — «Издательские решения»,

Марина знает утро наизусть. Список дел, дети, муж, который возвращается вовремя. Однажды вечером в отеле она слышит пианиста. Музыка звучит так, будто написана для одного слушателя. Дом остаётся на месте. Рядом начинается другая жизнь — короткие встречи, чужое расписание и прохлада губ, которую нельзя принести домой.

© Амбражевич М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Часть I. Жизнь, которую знают наизусть 8
Глава 1. Список на утро 8
Глава 2. Платье, которое ждало 12
Глава 3. Надёжный человек 16
Глава 4. Вечер в отеле 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Прохлада губ
Роман

Михаил Амбражевич

© Михаил Амбражевич, 2026

ISBN 978-5-0071-6560-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Поздно вечером, когда дети уже спали, Марина нашла в кармане мужниной куртки маленькую варежку.

Зелёную, с распустившейся петлёй у большого пальца. Утром Егор искал её под кроватью, сердился на сестру, уверял, что она спрятала нарочно. Потом Андрей позвонил с работы: варежка нашлась, он забрал её с батареи в детском саду и забыл выложить.

Марина положила находку рядом со второй, на тумбочку у двери. Две зелёные ладошки легли одна возле другой. Завтра сын опять сунет в них руки, и сегодняшний плач будет забыт.

Из кухни донёсся щелчок остывающего чайника. За окном моросило. В свете фонаря дождь казался неподвижным, словно кто-то повесил перед домом тонкую серебристую занавеску.

Марина постояла в прихожей, прислушиваясь к квартире. Андрей ещё работал за компьютером. В детской скрипнула кровать. Наверное, Соня перевернулась на другой бок.

Обычный вечер. Таких было столько, что они уже не запоминались по отдельности.

Когда-то Марина думала, что взрослая жизнь начинается с умения всё предусмотреть. Выбрать профессию, найти своего человека, устроить дом. Понять, сколько нужно денег, когда рожать детей, на что откладывать. Ей нравились люди, уверенно говорившие о будущем. Казалось, они знают что-то важное, чему она тоже обязательно научится.

Теперь она сама составляла списки, записывала расходы и заранее покупала детям обувь на следующий сезон. На холодильнике висел календарь: занятия Сони, утренник Егора, приём у зубного, день рождения мамы. Почти у каждой даты было своё назначение.

И всё же главные события её жизни в этот календарь заранее не попадали.

В день знакомства с Андреем она вообще собиралась остаться дома. Поехала к подруге вернуть книгу, опоздала на автобус, промочила ноги. Андрей предложил подвезти. В машине пахло кофе, на заднем сиденье лежала растрёпанная дорожная карта. Он долго не мог найти нужный поворот и смеялся над собой так легко, что она перестала сердиться на испорченный вечер.

Сколько потом бывало разговоров о том, что они могли не встретиться. Марина любила представлять другую дорогу, другой автобус, вовремя возвращённую книгу. Андрей обычно отвечал, что всё равно нашёл бы её, хотя бы ему пришлось объехать весь город.

Она верила. В такие минуты верилось без усилия.

Потом родилась Соня, и впервые стало по-настоящему страшно. Маленький человек спал у неё на руках, смешно поджав нижнюю губу, а Марина смотрела на него и понимала, что больше никогда не сможет жить с прежней беспечностью. Любовь оказалась тесно связана с тревогой. У дочери поднималась температура — и весь мир сужался до детской кровати, градусника, шагов Андрея, который среди ночи возвращался из аптеки.

Позже Марина с трудом вспоминала, какого цвета были стены в той съёмной квартире. Зато помнила, как муж сидел рядом на полу и держал её за щиколотку. Просто положил ладонь, пока она укачивала Соню. Оба устали так, что разговаривать уже не могли. От этого прикосновения ей стало легче.

Наверное, именно тогда она впервые почувствовала, что у неё есть семья.

Прошли годы. Появились своя квартира, вторая детская кровать, большая кастрюля для супа. Марина научилась по звуку ключа определять, как прошёл у мужа день. Андрей узнавал её усталость по тому, как она ставила чашку. Дети росли, и вместе с ними росло количество вещей, которые нужно было успеть.

Иногда близость целый день выражалась одними поручениями.

Купи хлеба. Забери пораньше. Позвони маме. Не забудь шарф.

За этими словами легко было перестать слышать человека. Марина и сама не всегда помнила, когда в последний раз спрашивала Андрея о чём-нибудь, кроме работы и домашних дел. Он отвечал: «Нормально», она кивала, и оба торопились дальше. Она надеялась, что он заметит её настроение. Он, возможно, тоже чего-то ждал.

При этом каждый был уверен: если случится беда, они будут рядом.

Марине хотелось, чтобы для этого не требовалась беда.

Она прошла на кухню и налила воды. В стекле тёмного окна отразилась женщина в домашней кофте, с убранными наспех волосами. Марина поправила выбившуюся прядь. Некоторое время смотрела на своё отражение, словно старалась припомнить, о чём думала в тот вечер, когда впервые села в машину Андрея.

Тогда впереди было так много неизвестного, и это её радовало.

Теперь неизвестность тревожила. Стоило мужу задержаться и не ответить на звонок, как в голове возникали дурные картины. Стоило Соне сказать: «Мам, только не ругайся», — сердце уже замирало. Хотелось удержать привычный порядок, продлить время, в котором все дома, все здоровы, всем хватит места за столом.

Но невозможно было остановить даже этот вечер. Вода в чашке остывала. Где-то за стеной соседи передвигали стул. На экране телефона появилась новая дата.

Завтра кто-нибудь проснётся с другим настроением. Кто-нибудь услышит слова, которых давно ждал, или встретит взгляд, после которого долго не сможет уснуть. В привычный распорядок войдёт случайность, и придётся решать, что с ней делать.

Марина об этом сейчас не думала. Она проверила будильник и выключила свет на кухне.

В коридоре показался Андрей.

— Ты чего не спишь?

— Воды пила. Ты закончил?

— Почти.

Он потёр переносицу, посмотрел на варежки у двери.

— Нашла?

— Нашла.

— Завтра отдам ему сам. А то он решил, что я тоже забыл.

Марина улыбнулась. Андрей задержался возле неё, будто хотел что-то добавить, потом осторожно коснулся её плеча.

— Ложись. Я скоро.

Она накрыла его руку своей. На секунду всего. Он уже повернулся к комнате, но остановился и посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего. Иди.

За дверью детской Егор что-то пробормотал во сне. Марина вошла, поправила одеяло, подняла с пола плюшевого зайца. Потом постояла возле дочери. Соня спала, положив ладонь под щёку. Рядом на подушке лежала раскрытая книжка.

Здесь были люди, которым она нужна. Каждый со своим характером, со своими желаниями, с жизнью, которую ей предстояло постепенно отпускать из рук. Она не могла обещать им, что всегда будет знать, как правильно. Могла прийти на зов, выслушать, признаться в ошибке. Могла попросить помощи сама.

Марина прикрыла детскую дверь, оставив полоску света.

На тумбочке лежали две зелёные варежки. Она ещё раз поправила их, чтобы утром Егор сразу увидел обе.

О том, каким будет завтра, она знала совсем немного.

Но пока готовила ему место в своём доме.

Часть I. Жизнь, которую знают наизусть

Глава 1. Список на утро

Список начинался с молока.

Ниже стояли хлеб, яблоки, ватман, клей-карандаш. Последнее Марина подчеркнула дважды: вчера Соня сообщила, что без него завтра никак, хотя ещё позавчера уверяла, что для школьного проекта всё куплено.

Марина потянулась за ручкой, чтобы добавить средство для посуды, но из ванной позвал Егор:

— Мам, оно не выдавливается!

— Положи щётку. Я сейчас.

Она уменьшила огонь под кашей, по дороге подняла с пола носок и толкнула дверь ванной. Сын стоял на подставке перед раковиной и держал тюбик обеими руками. Паста уже выдавилась, только с другой стороны — через разошедшийся шов.

— Я не сильно, — предупредил он.

— Вижу.

Зелёная полоска тянулась по рукаву пижамы. Егор посмотрел на неё почти с интересом.

— Теперь я как дракон.

Марина не удержалась от смеха. Вытерла ему руку, нашла новый тюбик, выдавила на щётку маленькую горошину.

— Драконы чистят зубы молча. Иначе огнём зеркало испортят.

Он тут же плотно сомкнул губы вокруг щётки.

В прихожей Андрей застёгивал часы. Марина слышала, как он открыл обувной шкаф, закрыл, снова открыл.

— Ты мои чёрные ботинки не видела?

— Верхняя полка справа. Я убрала, когда пол мыла.

— Нашёл. Сегодня сам Егора завезу. Успеваю.

Она благодарно кивнула, хотя муж не мог её видеть.

На кухне молоко поднялось до края кастрюли.

Марина успела снять её с плиты. На конфорку упала всего одна белая капля и зашипела. Из комнаты вышла Соня с раскрытым пеналом.

— Мам, у меня пропал зелёный.

— Что зелёный?

— Карандаш. Мы вчера делали листья, а сегодня их надо обвести.

— Возьми из коробки в шкафу.

— Там другой зелёный.

Марина поставила перед дочерью тарелку. Хотела сказать, что учительница наверняка переживёт два оттенка листьев, но Соня смотрела на неё так серьёзно, что она пошла искать карандаш.

Он лежал под диванной подушкой, рядом с заколкой и деревянным колесом от Егоровой машины.

Когда все наконец сели, её кофе успел остыть.

— В пятницу у нас вечер, — сказал Андрей. — Фирме пятнадцать лет. Помнишь, я рассказывал?

Марина помнила что-то о новом проекте, об освободившемся зале и человеке, которому поручили всё организовать. Отдельного вечера в пятницу среди этих сведений не осталось.

— Какой вечер?

— Юбилей. В ресторане при отеле. С супругами.

Он осторожно подул на ложку с кашей Егора и только потом отдал её сыну.

— Надо ответить сегодня. Пойдём?

— А дети?

— Твою маму попросим.

— Она в субботу рано к тёте Вале собирается.

— Значит, придумаем что-нибудь ещё.

Андрей произнёс это спокойно. Для него вопрос оставался открытым и потому разрешимым. Марина уже увидела всю цепочку: позвонить маме, уточнить электричку, уговорить остаться на ночь или найти такси, приготовить детям ужин заранее. Потом вспомнила про свою одежду.

— Может, сходишь один?

— Как хочешь. Только я думал вместе.

Соня подняла глаза от тарелки.

— Мам, ты не хочешь на праздник?

— Хочу. Просто пока не знаю.

— Я бы знала, — сказала дочь и снова занялась кашей.

Через двадцать минут Андрей вывел Егора в прихожую. Сын поднял зелёные варежки над головой, словно показывал добычу.

— Папа не забыл!

— Я обещал.

Марина поправила сыну шарф. Андрей поцеловал её у виска, сунул телефон в карман и спросил уже от двери:

— Так что насчёт пятницы?

— Я маме позвоню.

— Хорошо. Напиши потом.

Они ушли. Соня сразу вспомнила, что на завтра нужен ещё картон.

До школы шли быстро. Мокрый снег сохранился только у бордюров; на тротуаре лежала бурая крошка, которую дворник с раздражением сгонял к ливневой решётке. Ветер выворачивал капюшон. Соня прятала подбородок в шарф и на ходу рассказывала про Дашу, которая сначала обещала делать с ней проект, а потом передумала.

— Может, она хотела с тобой, но постеснялась отказаться от другой девочки? — предположила Марина.

— А почему я должна за неё придумывать?

Марина посмотрела на дочь.

— Не должна. Спроси у неё самой.

У школьной двери Соня обернулась:

— Только картон не забудь. Белый.

Она исчезла среди чужих курток и рюкзаков. Марина ещё несколько секунд смотрела на закрывшуюся дверь, потом достала телефон и дописала в список: «Картон».

Магазин канцтоваров открывался в десять. До десяти оставался почти час.

Можно было зайти в кофейню на углу. Через стекло виднелись пустые столики, женщина за стойкой расставляла чашки. Марина даже замедлила шаг. Потом вспомнила о стиральной машине: вечером забыла включить, а у Егора на завтра не осталось чистой формы для физкультуры.

Дома она поставила стирку, убрала со стола, замочила кастрюлю. На подоконнике стояла её утренняя чашка. Марина отпила, поморщилась и вылила кофе.

В комнате детей нужно было найти белую футболку. В ящике комода лежали вперемешку летние шорты, маленькие колготки Сони и рубашка, которую Егор надевал на новогодний утренник. Марина вынула нижний ящик целиком. За ним, у стенки, оказался пластиковый пакет.

В пакете была серая папка с завязками.

Она узнала её сразу. Сама приклеивала на корешок полоску малиновой бумаги, чтобы отличать от остальных в студии. Папка с образцами печати, несколькими эскизами и старым договором. При последнем переезде Марина решила убрать её повыше, а потом, вероятно, сунула сюда, освобождая полку под детские книги.

Завязки затянулись туго. Пришлось поддеть узел ногтем.

Сверху лежал буклет маленького музея. Марина провела пальцем по тиснёным буквам. Она помнила, как спорила с заказчиком из-за цвета: он требовал ярче, она приносила пробные оттиски, объясняла, что на этой бумаге оттенок всё равно изменится. Тогда ей было двадцать пять, и собственное мнение о цвете казалось достаточной причиной, чтобы задержаться в студии до десяти вечера.

На обороте сохранилась пометка коллеги: «Марин, этот вариант оставляем. Не трогай больше!»

Она улыбнулась.

Под буклетом обнаружился лист с рисунком окна. Набросок для календаря, который так и не запустили. На широком подоконнике стояли синий кувшин и горшок с сухими стеблями. Марина собиралась дорисовать человека на балконе напротив, но оставила только раскрытую дверь.

Лист был немного помят. Она разгладила его ладонью.

Телефон зазвонил как раз тогда, когда она пыталась вспомнить фамилию фотографа, с которым работала над тем календарём.

Звонила мама.

— Ты дома? Я ненадолго. У Сони шапка осталась у меня, надо передать.

Марина села на край кровати и попросила её побыть с детьми в пятницу.

— Конечно, — ответила Тамара Петровна. — А вы куда?

— У Андрея юбилей фирмы.

— Так сходите. Давно уже никуда вместе не выходили.

— Но ты же к тёте Вале…

— К Вале в воскресенье поеду. Она сама просила перенести, у неё сантехник в субботу. Я тебе разве не говорила?

Не говорила. Или Марина не услышала. Мама ещё рассказала про давление соседки, спросила, не нужен ли детям творог, и пообещала прийти к пяти.

После разговора Марина некоторое время сидела с телефоном в руке. Вопрос, из-за которого она почти отказалась, решился за полминуты.

Андрею она написала: «Мама согласилась».

Он ответил большим пальцем вверх, потом добавил: «Отлично. Записываю двоих».

Марина положила папку на комод. Уже повернулась к двери, но вернулась, вынула рисунок окна и прислонила его к стопке книг. Синий кувшин оказался на уровне глаз.

За картоном пришлось сходить после обеда. Там же она купила зелёный карандаш нужного оттенка. Пока продавщица искала к нему колпачок, Марина рассматривала наборы акварели за стеклом. От одного названия «кобальт синий» вспомнился холодный запах студийной раковины и вода, стекающая с кистей.

— Вам ещё что-нибудь? — спросила продавщица.

— Нет. Спасибо.

Дома Соня обрадовалась карандашу так, словно это был подарок. Разложила на столе свои листья и попросила помочь с названием проекта. Егор строил из стульев автобус. Каждые несколько минут он приезжал на кухню за пассажиром и обижался, если никто не соглашался ехать.

Марина вырезала буквы, пробовала на соль суп, дважды прокатилась до выдуманного вокзала. Потом искала Сонину линейку, отвечала в родительском чате, звонила в поликлинику. Рисунок на комоде попадался ей на глаза всякий раз, когда она входила в детскую.

— Это ты нарисовала? — спросила Соня.

— Я.

— А почему дверь открыта?

— Наверное, кто-то вышел на балкон.

Дочь наклонила голову.

— Я думала, туда только собираются выйти.

Марина снова посмотрела на лист.

— Может быть, и так.

К вечеру разболелась голова. Егор никак не хотел мыться, Соня пролила воду на угол ватмана. Андрей задержался на совещании и прислал сообщение с просьбой оставить ему ужин.

Когда он вернулся, дети ещё не спали. Егор выскочил в коридор босиком, повис у него на руке. Соня принесла показывать проект. Андрей вымыл руки, сел рядом с ней и стал разбирать линейку и карандаши на краю стола.

— Мост точно не падает? — спросил он, рассматривая нарисованную переправу.

— Это листья, пап.

— А. Тогда с мостом всё хорошо.

Соня засмеялась. Марина улыбнулась вместе с ней и поставила на стол разогретую тарелку.

Пока муж ел, она убрала высохшую форму Егора. В кармане кофты нашёлся сложенный вчетверо список. Молоко и хлеб были вычеркнуты, яблоки обведены кружком: хороших в магазине не оказалось. Средство для посуды она так и не записала.

— Марин, — позвал Андрей, — а синяя рубашка у меня чистая? На пятницу.

Она подняла голову. Собственное имя прозвучало неожиданно: за день оно почти затерялось среди бесконечных «мам».

— Чистая.

— Хорошо. Тебе что-нибудь надо подготовить?

Марина хотела по привычке ответить, что у неё всё есть. Вместо этого сказала:

— Я ещё не смотрела.

— Посмотри. Время есть.

Она кивнула и убрала список в карман.

После детских сказок, уборки игрушек и последнего стакана воды Марина подошла к шкафу в спальне. Перед дверцей стояла гладильная доска. Она отодвинула её к стене и раскрыла створку.

За зимним пальто, в чехле, висело зелёное платье.

Марина коснулась молнии и впервые за день подумала о пятнице без списка дел.

Глава 2. Платье, которое ждало

В чехле пахло лавандой и закрытым шкафом.

Марина вытащила вешалку, осторожно сняла с платья тонкую бумагу. Внизу, у самого шва, осталась белая нитка от давней подгонки. Когда-то она торопилась на вечер, отрезала всё лишнее и не заметила эту нитку. Теперь та оказалась первой подробностью, которую она увидела.

Ткань была тяжёлой, прохладной. При электрическом свете казалась почти чёрной; если повернуть к лампе, выступала густая зелень. Продавщица назвала цвет изумрудным, а Лена сказала, что в таком платье нельзя стоять возле стенки.

Марина покупала его для юбилея студии.

Тогда Соня ещё не родилась. Марина уже знала, что беременна, но на работе не говорила: было рано, тревожно, хотелось сначала самой привыкнуть. За ужином она незаметно поменялась с Андреем бокалами, и он весь вечер оберегал её от настойчивого хозяина студии, который считал отказ выпить личной обидой.

После они шли пешком до машины. Андрей нёс её туфли, она в его пиджаке ступала по тёплой после жаркого дня дорожке и смеялась над тем, что ресторанные свечи почему-то пахли огурцами. Он остановился посреди дорожки и сказал, что счастлив.

Она помнила даже паузу перед этими словами. Как он хотел выразиться иначе, привычно пошутить, а потом передумал.

Марина сняла домашнюю кофту и надела платье.

Подкладка скользнула по бёдрам, но молния остановилась чуть выше талии. Она втянула живот, попробовала ещё раз и оставила.

В зеркале отражалась женщина с поднятой рукой и нелепо отведённым локтем. Одна бретелька перекрутилась. Марина поправила её и развернулась боком.

— Ничего страшного, — сказала она себе вслух.

Слова прозвучали так, будто речь шла о чём-то серьёзном.

Андрей заглянул в спальню с кружкой.

— Помочь?

— Попробуй только осторожно.

Он поставил кружку на комод, взялся за края ткани. Молния прошла выше.

— Всё.

— Правда?

— У тебя там подкладка завернулась.

Он разгладил ткань между лопатками. Марина посмотрела на себя снова. Платье сидело плотнее, чем раньше, зато не мешало дышать. Она расправила плечи.

— Ну?

Андрей отступил на шаг.

— Я его помню.

— Ещё бы. Ты мне на него вино пролил.

— Совсем чуть-чуть.

— Почти весь бокал.

— Поэтому и помню.

Она засмеялась. Андрей тоже улыбнулся и поднял кружку.

— Хорошее платье. Надень.

Сказать что-нибудь ещё он, видимо, не собирался. Марина повернулась к зеркалу, проверяя, не слишком ли заметен живот. Она не успела понять, что именно хотела услышать, а муж уже пошёл выключать свет в коридоре.

На следующий день Марина позвонила Лене и спросила, можно ли обойтись без новых туфель.

— Обойтись можно вообще без всего, — ответила та. — Но я бы советовала начать с фотографии.

— Чего?

— Платья, туфель и тебя. Желательно вместе.

Марина сняла себя перед зеркалом, потом долго выбирала между двумя почти одинаковыми кадрами. На одном был странный подбородок, на другом она зачем-то держалась за ручку шкафа.

Лена перезвонила сразу.

— У тебя свет сверху. Так даже я на себя не смотрю. Я завтра приеду.

— Зачем? Ты же работаешь.

— Утром съезжу к клиенту, к часу освобожусь. Куплю что-нибудь к чаю. Тебе во сколько за детьми?

Марина назвала время.

— Отлично. У нас будет почти два часа.

Лена всегда умела говорить «у нас» так, что чужое дело переставало казаться неподъёмным. Они познакомились на курсах рисунка, когда Марина ещё выбирала, куда поступать, и с тех пор сходились и расходились по разным жизненным расписаниям. Могли месяц не видеться, а потом встретиться и за десять минут договорить всё недосказанное.

В четверг Лена приехала с пакетом пирожных, коробочкой серёг и складным зонтом, который отказывался закрываться.

— Подержи эту гадость.

Пока Марина возилась с кнопкой, подруга сняла сапоги и огляделась.

— Где платье?

— Ты сначала зайди.

— Я уже.

Она поцеловала Марину в щёку и протянула пакет.

— Твоё с малиной. Детям не отдавать.

На кухне они всё-таки сначала выпили чаю. Лена рассказывала про заказчицу, которая хотела «спокойный бежевый, но чтобы потрясало», и изображала её голос так удачно, что Марина едва не поперхнулась.

— Это помнишь, как у нас требовали сделать белый поярче? — сказала она.

— А ты ещё объясняла, что белая у них сама бумага.

— Он не верил.

— Он думал, ты жалеешь белой краски.

Марина засмеялась и вдруг вспомнила студийный стол, испачканный по краю фиолетовой тушью. В углу стоял электрический чайник с треснувшей ручкой, над столом висели распечатки. Перед сдачей большого заказа все пили кофе из разных кружек и разговаривали слишком громко. Она приходила домой усталая, иногда злая, но ещё по дороге представляла, что изменит в макете утром.

— Ты чего? — спросила Лена.

— Вспомнила работу.

— Соскучилась?

— Не знаю. По некоторому — да.

— По заказчикам точно нет.

— По ним тоже иногда. Хоть поссориться можно было из-за чего-нибудь, кроме варежек.

Лена перестала улыбаться, но Марина уже встала за платьем.

Подруга расстелила на диване светлый плед, разложила рядом серьги и попросила достать все туфли, в которых можно проходить хотя бы час.

Таких оказалось две пары. Чёрные были удобными, но совсем повседневными. У светлых с узким ремешком облезла обтяжка на одном каблуке.

— Эти отнеси в мастерскую. Под платьем почти не видно, но ты будешь знать и злиться весь вечер.

— Я и в чёрных могу.

— Можешь. Что тебе самой нравится?

Марина взяла светлую туфлю, повернула в руках.

— Эти.

— Вот с них и начнём.

Лена застегнула молнию на платье и подвела её к окну. За стеклом блестела мокрая крыша пристройки, с водосточной трубы срывались крупные капли.

— Плечи отпусти. Ты будто к врачу пришла.

Марина выдохнула.

Подруга поправила ей волосы, приложила серьгу к мочке. Серебро мелькнуло у щеки.

— Хорошо. Только эти маленькие оставь, они твои. Мои слишком торжественные.

Марина рассматривала отражение в узком зеркале на дверце. Она успела забыть, как выглядит с открытой шеей. Дома волосы всегда мешали, закалывались наверх, и лицо словно становилось служебным: на нём должно было быть написано, что она всё понимает и сейчас поможет.

— Тебе идёт, — сказала Лена. — И цвет, и вырез. Посмотри на себя нормально.

— Я и смотрю.

— Ты проверяешь, где что не так.

Марина убрала руку с талии.

Они помолчали. Подруга села на край кровати, подтянула к себе сумку.

— А ты вообще довольна?

— Платьем?

— Жизнью.

Марина обернулась.

Лена смотрела спокойно. Без своей обычной усмешки, которая заранее превращала трудный разговор в шутку.

— С чего ты взяла, что нет?

— Я спросила.

— Ну… У меня всё хорошо. Дети, Андрей. Квартира. Никто не болеет.

— Я рада. Правда рада. А ты как?

Марина хотела объяснить, что отдельно от перечисленного её «как» не существует. Но в последнее время существовало что-то ещё: короткое раздражение, когда звали из другой комнаты; зависть к женщине с дорожной сумкой; нежелание утром вставать на десять минут раньше, хотя этих десяти минут постоянно не хватало.

Говорить об этом в зелёном платье, пока дети сыты и муж на работе, было стыдно.

— Устаю, — ответила она.

— Спишь мало?

— Не только.

Лена кивнула, не торопя.

— Иногда кажется, что я всё время готовлюсь, — сказала Марина. — Завтрак, одежду, на завтра, на неделю. А когда всё готово, уже вечер.

Она попыталась улыбнуться.

— Очень интересный разговор. Сейчас ещё пожалуюсь на плохую погоду.

— Можешь и на погоду.

Из-за этого простого разрешения у Марины на секунду перехватило горло. Она отвернулась к окну и сделала вид, что поправляет бретельку.

— Работать бы тебе понемногу, — сказала Лена. — Ты же умела. Вспомнишь.

— Там всё давно другое.

— Всё — это что?

— Программы. Требования. У меня даже компьютер старый еле открывается.

— Ну так с него и начни. Посмотри, что надо обновить.

Марина промолчала. Лена наклонилась, застегнула сумку и добавила:

— Ладно. Сразу всю жизнь переделывать не обязательно. В пятницу выйди. Поговори с людьми. Потанцуй с мужем, если дадут.

— На юбилее проектной фирмы?

— Тем более. Инженерам тоже надо иногда танцевать.

Когда подруга ушла, Марина позвонила в обувную мастерскую у метро. Там согласились заменить обтяжку к следующему вечеру, если принести туфли сейчас. Она упаковала их в пакет и успела отдать по пути за Егором.

Сын вышел из группы с бумажной короной. Ему дали роль короля, но он уже успел обменяться с другим мальчиком на дракона и теперь не знал, нужно ли возвращать корону.

— Спросим завтра у воспитательницы, — сказала Марина.

— А можно дракон будет королём?

— Мне кажется, можно.

Егор взял её за руку, довольный этим решением.

По дороге они забрали Соню с продлёнки. Дочь рассказала, что с Дашей поговорили и всё-таки будут сидеть вместе на экскурсии. Проект учительнице понравился, но отнести его домой разрешат только на следующей неделе.

Марина слушала и замечала, как постепенно возвращается привычная спешка. Нужно было успеть в магазин, приготовить рыбу, проверить Сонино чтение. Во дворе сын наступил в глубокую лужу, и к списку прибавились мокрые сапоги.

Дома она сняла с Егора колготки, поставила обувь сушиться, вымыла руки. Проходя через спальню, увидела платье на дверце шкафа.

Оно всё ещё висело снаружи.

Марина остановилась, потом отнесла пакет с продуктами на кухню. Платье убирать не стала.

Вечером, пока дети смотрели с Андреем мультфильм, она вынула из старой папки маленький блокнот. Между страницами сохранился билет в музей, где они с Леной когда-то провели почти целый день. Несколько разворотов были исписаны размерами, телефонами, случайными словами, а дальше шла чистая бумага.

Марина полистала блокнот. Нашла рисунок чашки, набросанный в электричке. Сначала ободок не получался, и она провела рядом ещё один овал, потом третий. Почему-то этот незаконченный ряд понравился ей больше всего.

Она взяла карандаш Сони и села за кухонный стол. Хотела нарисовать стоящую перед ней сахарницу, но долго не могла начать. Послушала смех из комнаты. Наконец вывела короткую линию и ещё одну, наметила крышку.

Рисунок получился неровным. Рука торопилась там, где нужно было остановиться.

Марина уже потянулась за ластиком, но оставила всё как есть.

Она вложила карандаш между страницами и нашла в шкафу маленькую сумку, подходящую к платью. Кроме телефона и ключей, в неё помещался блокнот.

До пятницы оставался один день.

Глава 3. Надёжный человек

В пятницу Андрей вышел из дома с мешком Егоровой сменной обуви. Сын шёл рядом в короне, надетой поверх шапки, и время от времени придерживал её ладонью.

— Так ты всё-таки король? — спросил Андрей.

— Я дракон. Но у меня корона.

— Понятно. Руководящий состав.

Егор не понял, но на всякий случай кивнул.

На углу пришлось остановиться. Мальчик заметил в луже отражение красного сигнала и принялся проверять, останется ли оно красным, если посмотреть сбоку. Андрей глянул на часы. До первого рабочего звонка было сорок минут. Можно было поторопить, поднять сына на руки, перенести через мокрый участок. Вместо этого он подержал его за капюшон, пока тот исследовал светофор.

Раньше Андрей часто представлял себе, как они будут гулять вместе. Покажет ему корабли, съездят в лес, построят лодку. Теперь короткая остановка возле лужи тоже становилась прогулкой, если не вытаскивать в это время телефон.

Он убрал руку от кармана.

— Смотри, сейчас зелёный станет.

Егор ахнул, словно отец сам устроил эту перемену.

В раздевалке выяснилось, что корона всё-таки чужая. Воспитательница сняла её и пообещала выдать дракону гребень.

— Я вечером заберу? — спросил Андрей у сына.

— Бабушка.

— Точно. А мы с мамой на праздник.

Егор обнял его за колено, тут же отлепился и побежал к двери группы. Андрей поправил на крючке маленькую куртку. Из кармана торчал камень. Наверняка очень нужный.

В офис он вошёл за три минуты до начала совещания.

Олег уже стоял у принтера с чашкой и пачкой чертежей. На верхнем листе красным было обведено несколько отметок.

— У нас плохо, — сказал он вместо приветствия.

— Насколько?

— Смотря кому показывать.

Андрей положил сумку на стул, снял куртку и взял лист. Подрядчик прислал новую схему прокладки инженерных сетей. Один из проходов на ней пересекался с уже согласованной конструкцией.

— Это их последняя версия?

— Ночью прислали. Я в девять увидел.

— С монтажом подождут?

— Сегодня собираются размечать.

Андрей набрал номер прораба. Тот ответил не сразу и говорил на ветру, половина слов пропадала.

— Пока не размечайте этот участок, — повторил Андрей. — Да, только этот. Остальное посмотрите с Олегом. Мы сейчас сверим отметки и перезвоним.

На совещание он пришёл с чертежом. Павел Сергеевич, руководитель отдела, выслушал, нахмурился и потянулся за телефоном.

— Я сейчас им устрою.

— Давайте сначала разберёмся, откуда расхождение, — сказал Андрей. — Нам всё равно с ними исправлять.

Он не любил разговоров, после которых работа оставалась прежней, а врагов прибавлялось. Сам иногда срывался, особенно к концу тяжёлой недели, но потом долго жалел о лишних словах. Исправлять собственную резкость было труднее, чем чужую ошибку в расчётах.

До обеда они сверяли документы. Олег приносил распечатки, подрядчик уверял, что получил старую основу. В конце концов нашли письмо с неверным вложением. Решение оказалось небольшим, но требовало согласования. Андрей записал, кто и к какому часу что пришлёт, и впервые за утро смог допить чай.

Чай был холодный.

На телефоне ждало сообщение Марины: «Туфли забрала. Мама к пяти. Ты успеешь?»

Он написал: «К половине шестого буду».

Потом посмотрел на стол и добавил: «Постараюсь раньше».

Ему хотелось прийти спокойно, переодеться без спешки, вместе с женой выпить кофе перед выходом. Как раньше, когда они ещё могли потратить двадцать минут на обсуждение, куда пойти, а потом остаться дома, потому что увлеклись разговором.

— Твоя тоже идёт? — спросил Олег.

— Да.

— Наконец-то. Моя вчера сказала, что если ещё раз посажу её между Борисом и его рассказами про дачу, больше никуда не поедет.

Андрей усмехнулся.

— Значит, между Борисом и дачей нужно посадить тебя.

— Меня он уже не слушает.

В обед Андрей вышел в хозяйственный магазин через дорогу. Дома расшаталась дверца кухонного шкафа. Он заметил ещё в воскресенье, подтянул крепление, но вчера увидел, что оно снова отходит: раскрошилась старая посадка. Нужна была ремонтная пластина.

Продавец долго искал подходящую, предлагал заменить всю петлю. Андрей объяснил, что петля целая, показал фотографию. Нашли пластину в нижнем ящике. Вместе с ней он купил короткие саморезы и убрал пакет во внутренний карман куртки.

Возле кассы стояли фиалки. Маленькие, в пластиковых горшках, с влажной землёй. Он задержался рядом, вспомнил, что Марина любит срезанные тюльпаны. В магазине их не было. Можно было дойти до цветочного на следующей улице, но уже звонил подрядчик.

Андрей ответил и вышел.

После обеда всё пошло быстрее. Пришли нужные файлы, прораб получил уточнение, Павел Сергеевич, заглянув к ним, сказал:

— Ну вот. На вас хоть положиться можно.

Андрей кивнул. Ему нравилось, когда результату доверяли без долгих объяснений. В детстве он ненавидел обещания, которые потом тихо отменялись. Отец мог сказать, что в воскресенье поедут на залив, а утром передумать: погода плохая, машина барахлит, дел много. Андрей всегда старался обещать только то, что сможет сделать. Иногда поэтому говорил слишком мало.

В половине пятого он закрыл документы.

Олег поднял голову:

— Уже?

— Я всё отправил. Остальное в понедельник.

— Счастливый человек.

Андрей не стал объяснять, что счастье здесь ни при чём. Если сейчас остаться ещё на полчаса, Марина опять будет ждать у двери в пальто, пока он ищет носки. Она не скажет ничего особенного. Только поможет найти и спросит, взял ли он телефон.

Дома было шумно. Тамара Петровна приехала раньше обещанного и теперь спорила с Соней, сколько сахара можно класть в сырники. Егор сидел под кухонным столом и сообщал, что драконы сырники вообще не едят.

Марина выглянула из ванной с влажными волосами.

— Ты рано.

— Удивительно, да?

— Немножко.

Она улыбнулась, и Андрей почувствовал, что правильно сделал, уйдя вовремя.

Пока Марина сушила волосы, он взял инструменты. Ремонт занял десять минут. Егор принёс из своей коробки игрушечный молоток и сел помогать. Андрей отдал ему старую пластину, предупредив, чтобы не трогал острые края.

— А зачем ты чинишь? — спросил сын.

— Чтобы дверь не упала.

— На маму?

— На кого-нибудь. Лучше пусть висит.

Он несколько раз открыл и закрыл шкаф. Дверца больше не провисала. Андрей собрал стружку влажной салфеткой и отнёс инструменты в кладовую.

В спальне на кровати лежали его брюки и синяя рубашка. Марина оставила рядом две пары носков: нужные и запасные, если первые окажутся неудобными. Он подумал, что надо бы самому давно разобрать свой ящик.

Когда она вошла, он застёгивал манжеты.

На ней было зелёное платье. Волосы падали на плечи, у щёк чуть блестели серьги. Андрей заметил, как непривычно тихо она ступает в туфлях: дома её шаги обычно слышались ещё из коридора.

— Ну как? — спросила Марина.

Он оглядел её.

— Хорошо. Не замёрзнешь? Там, говорят, у окон прохладно.

Она провела ладонью по плечу.

— Возьму жакет.

Андрей хотел добавить что-то про волосы. Ему нравилось, когда она их распускала. Но он не знал, не помешает ли, если сейчас подойдёт и обнимет: ткань легко мялась, на губах была помада. Он проверил карманы пиджака.

— Такси вызвать?

— Да. Я готова.

До приезда машины оставалось восемь минут. Андрей убрал телефон. Марина стояла перед зеркалом и перекладывала вещи из большой сумки в маленькую. Ключи, помада, тонкий блокнот.

— Ты рисовать собралась? — спросил он.

— Не знаю. Пусть будет.

Ему вспомнилось, как однажды они ждали поезд, а она зарисовывала мужчину с огромным чемоданом. Андрей всё боялся, что тот заметит и рассердится. Мужчина заметил, подошёл, посмотрел на рисунок и попросил сделать ему ноги подлиннее.

— Помнишь того на вокзале? — сказал Андрей.

Марина засмеялась раньше, чем он успел закончить.

— «Девушка, я же не такой маленький».

— Чемодан был выше него.

— Он ещё заплатить хотел.

— А ты отдала лист просто так.

Марина закрыла сумку. Улыбка ещё оставалась на её лице, и Андрей вдруг ясно увидел её на вокзальной скамейке: она сидит, поджав одну ногу, солнце режет тетрадь пополам, с верхней полки кто-то кричит, что посадку уже объявили.

Телефон завибрировал в руке.

Водитель приехал раньше.

Они вышли в коридор, обняли детей. Тамара Петровна велела не торопиться домой и закрыла за ними дверь. Андрей вызвал лифт. Марина поправляла ремешок сумки, глядя вниз.

Он коснулся её руки.

— Я рад, что мы выбрались.

— Я тоже, — ответила она.

В лифте было тесно: сосед вёз вниз пустую коробку от телевизора. Андрей встал боком, пропуская Марину к стенке. Она ненадолго прислонилась к его плечу, и он наклонил голову, коснувшись губами её волос.

На улице подул ветер. Он раскрыл зонт и поднял его повыше, чтобы не задеть её причёску.

Ремонтную пластину он купил, работу закончил, дома все были здоровы. Впереди оставался вечер, в котором ничего уже не нужно было исправлять.

Андрей подал жене руку на мокрой ступеньке и пошёл рядом к машине.

Глава 4. Вечер в отеле

Из такси пришлось выходить в лужу.

Водитель подъехал слишком близко к бордюру, и Марина некоторое время сидела боком на сиденье, выбирая, куда поставить ногу. Андрей уже обошёл машину. Открыл зонт, протянул ладонь.

— Давай сюда. Тут сухо.

Она шагнула через воду, придерживая край пальто. На светлой туфле всё-таки остались две тёмные капли.

За стеклянными дверями отеля было тепло. Пахло цветами и чем-то чуть горьким, древесным. В глубине холла женщина в дорожной одежде стояла возле большого чемодана, прижимая к плечу спящего ребёнка. Мужчина рядом заполнял бумаги на стойке. У окна пожилые иностранцы рассматривали карту.

Марина проводила их взглядом. Здесь всё время кто-нибудь приезжал и уезжал. Можно было спуститься утром из номера, ничего не зная о чужих заботах за этими окнами, позавтракать и пойти в любую сторону.

— Нам наверх, — сказал Андрей.

Возле гардероба он узнал Олега. Они обменялись рукопожатием, Олег представил жену Вику. Марина уже встречала её несколько лет назад, но вспомнила не сразу.

— У вас же тогда сын совсем маленький был, — сказала Вика. — А сейчас сколько?

— Пять.

— Надо же. Я почему-то думала, три.

Марина улыбнулась. Чужие дети всегда росли быстрее.

В ресторан вела широкая лестница. На площадке висело зеркало от пола до потолка, и Марина невольно выпрямилась, поймав собственное отражение рядом с мужем. Андрей нёс её пальто через локоть: в гардеробе не хватило свободных рук, он забрал оба номерка и теперь всё ещё держал пальто, забыв сдать.

— Мы с вещами ужинать будем? — спросила она.

Он посмотрел на руку и рассмеялся.

— Подожди. Сейчас.

Пока он спускался обратно, Марина прошла к распахнутой двери зала.

Столы стояли по обе стороны свободного пространства. На белых скатертях лежали карточки с названиями отделов, между ними блестели низкие вазы. Окна выходили на воду; за стеклом тускло отражались фонари и проезжающие машины. Возле небольшого возвышения стояло чёрное фортепиано с закрытой крышкой клавиатуры. Рядом проверял микрофон мужчина в светлом пиджаке.

Марина услышала своё имя.

Павел Сергеевич шёл к ней от дальнего стола. Она узнала его по фотографии, которую Андрей когда-то показывал на телефоне: тот же высокий лоб, седина над ушами, чуть усталый взгляд.

— Очень рад, что вы пришли. Андрей всё прятал вас от коллектива.

— Я сама пряталась.

Он улыбнулся и, увидев за её спиной Андрея, добавил:

— Ваш муж сегодня спас нам пятницу. Ещё немного, и половина отдела смотрела бы вечером на чертежи.

— Не преувеличивайте, — сказал Андрей.

— Нисколько. Проходите, мы рядом сидим.

Марина посмотрела на мужа. За ужином он рассказывал про работу нечасто. Обычно говорил: «Всё нормально», — и этого хватало, чтобы она перестала спрашивать. Сейчас было приятно услышать о нём от другого человека. Андрей смутился, потянул за манжету, сделал вид, что ищет их стол.

Они сели рядом с Олегом и Викой. Напротив устроился мужчина с густыми бровями, который сразу начал объяснять, почему решил добираться на метро. Он назвал три станции, два закрытых поворота и место, где «всё стояло намертво».

— Борис, — шепнул Андрей.

— Я догадалась.

Он посмотрел на неё с удивлением, и она пояснила:

— Ты рассказывал.

Первый бокал подняли почти сразу. Потом ждали директора, потом директор ждал, когда закончат фотографироваться у таблички с юбилейной датой. Кто-то пришёл без пары и долго искал, куда сесть. Официанты наполняли бокалы, обходя протянутые руки.

Марина сняла жакет и аккуратно повесила на спинку стула. От открытых плеч было непривычно. Хотелось то прикрыть их, то, наоборот, сесть свободнее.

— Красивое у вас платье, — сказала Вика.

— Спасибо.

— Я всё смотрю на этот цвет, а себе не решаюсь. Мне кажется, я в нём бледная.

Они немного поговорили об одежде. Потом Вика спросила, чем Марина занимается.

— Сейчас дома. С детьми.

— А до этого?

— Дизайном. Печатная продукция, в основном. Буклеты, каталоги.

— О, тогда вы понимаете. У нас в клинике недавно вывеску меняли, так я думала, мы все поссоримся.

Марина с готовностью подняла глаза, но Вику уже позвали к другому концу стола. Она извинилась, обещала вернуться и ушла обнимать женщину в серебристом жакете.

Начались поздравления.

На экране показывали старые фотографии: тесный офис, молодые лица, первый выезд на объект. За столами смеялись, узнавая друг друга. Андрей наклонился к Марине и показал на человека в жёлтой каске:

— Это Павел Сергеевич. Ещё до меня.

— Совсем другой.

— Он говорит, что мы его довели.

На следующем снимке появился сам Андрей. Стоял чуть в стороне, руки в карманах, коротко подстриженный. Марина вспомнила, как он пришёл домой после первого дня в этой компании. Рассказал, что все работают в одном большом помещении и кто-то постоянно грызёт яблоки. Егор тогда ещё не родился. Соня сидела в высоком стульчике и била ложкой по столу, требуя внимания.

— Ты тут серьёзный, — сказала Марина.

— Я не знал, куда встал. Думал, сейчас выгонят из кадра.

Она тихо засмеялась и положила ладонь ему на запястье.

Ему вручили небольшой стеклянный знак за участие в большом проекте. Андрей поднялся, сказал несколько слов. Поблагодарил коллег, отдельно назвал Олега. Когда возвращался, Марина подвинула его стул, а он отдал ей награду, чтобы освободить руки.

Стекло оказалось тяжёлым. Внутри была выгравирована сложная конструкция, похожая на мост.

— Это тот, над которым вы летом сидели?

— Да. Только с другого ракурса.

— Очень красиво.

Андрей взглянул на знак так, словно прежде не рассматривал его.

— Вообще да.

После горячего разговоры стали громче. Борис рассказывал Олегу про участок, Вика вернулась и показывала на телефоне фотографии новой вывески. Марина смотрела, спрашивала про подсветку, но разговор быстро перешёл к начальству клиники, которого она не знала.

Андрея позвали к соседнему столу.

— Я на пять минут, — сказал он. — Тебе принести что-нибудь?

— Нет, спасибо.

Он поставил её бокал подальше от края и ушёл.

Марина достала телефон. От мамы пришла фотография: дети сидели за столом, перед каждым стояла тарелка сырников. Егор был в бумажном гребне. Подпись гласила: «Всё хорошо. Едим».

Она ответила сердечком. Лена прислала короткое: «Ну?»

Марина набрала: «Красиво. Сидим». Посмотрела на эти два слова и отправила.

Вика наклонилась к ней:

— Пойдёмте к окну? Там девочки фотографируются.

Марина охотно пошла.

Они выстроились возле шторы. Кто-то попросил убрать со стула сумку, кто-то всё время закрывал глаза. Марина улыбалась в чужой телефон, потом в свой, потом предложила снять остальных. Через несколько минут все разошлись, договариваясь переслать фотографии.

Она осталась у окна. Вода за стеклом была почти чёрной, только у противоположного берега дрожал жёлтый свет. У Марины устали ноги. Туфли не жали, но ступни отвыкли от каблуков. Она незаметно перенесла вес с одной ноги на другую.

Ей нравилось здесь. Нравились тяжёлые приборы, чистый звон бокалов, то, что ужин приготовил кто-то другой. И всё-таки она никак не могла устроиться внутри этого праздника. Люди вокруг продолжали разговоры, начатые много дней назад. Она знала имена некоторых, узнавала истории со слов мужа, но всё время приходилось ждать удобного места, чтобы что-нибудь сказать.

У фортепиано остановился мужчина в тёмной рубашке. Поставил на пол стакан воды, открыл клавиатуру, чуть отодвинул стул.

Марина вернулась за стол.

Мужчина в светлом пиджаке сказал в микрофон, что теперь гости могут просто отдыхать. Он назвал имя музыканта, но возле Марины в этот момент громко рассмеялся Борис, и она не расслышала.

Пианист положил руки на клавиши.

Первые звуки почти потерялись в разговорах. Он играл что-то знакомое, мелодию, которую Марина наверняка слышала прежде. Она попыталась вспомнить название, не смогла и стала следить за левой рукой: та мерно возвращалась к одним и тем же движениям, пока правая уходила всё дальше.

Пианист не смотрел в зал. Сидел немного наклонившись, иногда поднимал плечо, будто рубашка мешала. У него были тёмные волосы, свет падал сверху и оставлял глаза в тени. Один раз он потянулся к стакану, но не стал пить, продолжил сразу другой мелодией.

Марина узнала вальс. В детстве мама ставила его, когда убирала квартиру, и на проигрывателе каждый раз заедало одно место. Она заранее ждала знакомого повторения. Пианист прошёл его легко, без остановки. От этой маленькой разницы почему-то стало радостно.

— Ты слушаешь? — спросила она, когда Андрей вернулся.

Он присел рядом.

— Да. Хорошо играет.

Несколько минут они сидели вместе. Андрей положил ладонь на спинку её стула. Марина устроилась удобнее и отпила вина. Оно успело согреться.

Знакомые мелодии закончились. Пианист ненадолго замер, словно решая, что играть дальше, потом начал негромко, с нескольких звуков, между которыми оставалось много тишины.

Марина подняла голову.

Она не понимала, чем эта музыка отличается от предыдущей. Не могла бы объяснить, сложная ли она, правильно ли сыграна. Только перестала ждать знакомого поворота. Мелодия шла дальше, и хотелось узнать, куда.

Кто-то опустил возле её тарелки чашку. Марина поблагодарила, не посмотрев на официанта. Андрей наклонился, сказал, что его зовёт Павел Сергеевич. Она кивнула.

Пианист поднял глаза.

Она не успела отвести взгляд. Он смотрел в её сторону совсем недолго, с обычной внимательностью человека, проверяющего, слышно ли его. Потом снова опустил голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.